

или в стихах про Тюленя, которому никто из зверей не одолжил шубы: «Постоял Тюлень у двери: / Боже мой, какие звери!»

Неожиданность словоупотребления, столкновение смыслов — эти излюбленные приемы З. позволяют говорить о его близости к школе ОБЭРИУ (Объединение реального искусства), особенно к поэзии Н. Олейникова; к ленинградским ж. «Чиж» и «Еж», т. е. к тому самому периоду лит-ры 1920-х, который по праву считается «золотым веком» детской поэзии. Эта историко-лит. преемственность, когда художник является не только хранителем мироощущения ребенка, но и деятельным участником его игры, ставит З. в один ряд с такими поэтами, как С. Я. Маршак и А. Л. Барто.

Видное место в творчестве З. принадлежит переводческой деятельности. Его переводы представляют собой особый феномен в области переводной лит-ры: это своеобразные русифицированные пересказы, выполненные с большим вкусом и тактом. «Винни-Пух и все-все-все» А. Милна (1960), «Приключения Алисы в Стране Чудес» Л. Кэрролла (1975), «Мэри Поппинс» П. Трэверс (1988) — эти знаменитые произведения, пересказанные З., получили широкую известность у русских читателей. Кроме этого, З. переводил сказки братьев Гримм и К. Чапека, произведения Дж. Барри, А. и М. Провенсен и Я. Грабовского, польские народные песенки, стихи Ю. Ту-волья, Я. Бжехвы, В. Хотомской и др. польских поэтов, стихи Гете, У. Дж. Смита и др.

З. — автор детских пьес «Русачок» (1972), «Мэри Поппинс вернется!» (1974, в соавт. с Д. Медведко), «Очень умные игрушки» (1976), «Ростик в дремучем лесу» (1976), «Мэри Поппинс» (1976, в соавт. с В. Климовским), «Пиргрой Винни-Пуха» (1979), «Приключения Алисы в Стране Чудес» (1982) и др.

По сценариям З. поставлены к/ф: «Винни-Пух», «Гимнастика для головастика», «Вот тебе и Заяц!», «Как рыбка чуть не утонула» и др.

Соч.: Избранное: стихи, сказки, переводы, пересказы. М., 1981; Разговорчивая пещера: По мотивам сказок народов мира. М., 1984; Отшельник и Роза. М., 1991; В моей Вообразилии. М., 1994; Трава-езде-растунья, М., 1994.

Лит.: Сарнов Б. Для маленьких и больших // Новый мир. 1957. № 12; Рассадин С. [Вступ. статья] // Б. Заходер. Избранное. М., 1981; Приходько В. Наш товарищ — Борис Заходер: К 70-летию со дня рождения // Дошкольное воспитание. 1989. № 1; Рассадин С. Серьезные игры // Детская лит-ра. 1989. № 2.

В. К. Ермакова

М. А. Зенкевич

ЗЕНКЕВИЧ Михаил Александрович [9.(21)5.1891, Николаевский городок (Саратов) — 16.9.1973, Москва] — поэт, прозаик, переводчик.

Отец — преподаватель земледельческого училища, мать — учительница гимназии. Детство провел в Саратове. С отроческих лет был захвачен «левыми» революционными идеями. В 1904 окончил гимназию, далее — получил фрагментарное европейское (философское) образование в Берлине и Иене, где вращался в социал-демократических эмигрантских кругах (был дружен с философом Г. П. Федотовым). Поэтическим дебютом З. стали «гражданские» стих. (не очень удачные), посвященные событиям первой русской революции; в 1908–09, после знакомства с будущими лидерами акмеизма, З. избирает путь профессионального литератора, во многом пересмотрев ранние отроческо-юношеские «радикальные» политические и поэтические установки.

Началом первого (и главного) периода лит. деятельности З. явились его «петербургские годы» (1907–17), когда он вместе с другими молодыми литераторами, эмансиповавшимися как от символистских «богоискательских» тенденций, так и «гражданских» опусов предшествующего поэтического поколения, «атаковал» редакцию петербургских журналов. Молодые поэты и писатели (большая часть студенты ун-та; сам З. в 1915 окончил курс юридического ф-та), главою которых был Н. С. Гумилев, стремились органи-

зоваться в единый «Цех», не зависимый как от косности изжившей себя реалистической, так и от радикализма модернистских лит. группировок. Современники отмечали огромное влияние на З. «акмеистической проповеди» Гумилева. Г. В. Иванов, говоря о значении Гумилева как «учителя поэзии», вспоминал, как «М. Зенкевич... пришел весной в „Аполлон“ с тетрадкой удручающе банальных стихов. После нескольких встреч с Гумилевым он привез с каникул свою великолепную „Дикую порфиру“» (Иванов Г. В. Соч.: в 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 618). «Нарбут и Зенкевич находились под полным обаянием Гумилева», — писала Н. Я. Мандельштам, уточняя, однако, что хотя «все теории и мысли Гумилева были для них каноном», их понимание акмеизма было несколько односторонним: «Они присоединились к акмеизму, потому что поняли его как бунт земного против зова ввысь, как утверждение плоти и отказ от духовности. Оба они принадлежали к породе людей, которая выше всего ставит юность, акмеизм же для них был молодостью и цветением» (Антология акмеизма. М., 1997. С. 304).

Упомянутая выше книга стих. «Дикая порфира», изданная «Цехом поэтов» в марте 1912, стала одной из сенсаций «предакмеистического» лит. сезона (акмеистические манифесты появятся в янв. следующего года). Молодой поэт, увлекавшийся тогда, по его собственному признанию, «геологией и естествознанием» (Лекманов О. А. «Цех поэтов» и символизм // Гумилевские чтения. СПб., 1996. С. 30), выступил со стихами, прославлявшими «темное, утробное родство» «светлого» человеческого духа с «диким-сумрачной и косной» «материей» мироздания (см. программы для книги стих. «Темное родство» и «Гимны к материи»). Весьма показательны названия стих. З., вынесенных в начало «Дикой порфиры»: «Земля», «Воды», «Камни», «Металлы», «Ящеры», «Человек», «В зоологическом музее», «Радостный мир». Тексты З. насыщены «антиэстетическими» образами и картинами, выполненными (не без влияния «Падали» Бодлера) с исключительным изобразительным мастерством: «Вы горечью соли и йодом / Насыщали просторы земли / Чтобы ящеры страшным приплодом / От мелких существ возросли <...> И долго прибитые к суше, / В пене остывших паров, / Распухшие, черные туши / Заражали дыханье ветров» («Воды»). С другой стороны, лексикон этих стих. вполне в духе тезиса будущих манифестов акмеизма о конкретике словесного содержания изоби-

лует терминологией, традиционно далекой от поэтического инвентаря: «Корнями двух клыкков и челюстей громадных / Оттиснув жидкий мозг вглубь плоской головы, / О махайродусы, владели сушей вы / В третичные века гигантских травоядных» («Махайродусы»).

«Дикая порфира» вызвала обильный поток рецензий, принадлежавших перу мн. тогдашних поэтических «мэтров», причем лишь одна — В. Ф. Ходасевича, считавшего книгу З. «невыносимо скучной» (Альциона. Кн. 1. М., 1914. С. 206), — может быть воспринята в качестве собственно «отрицательной». Все остальные рецензенты (Г. Чулков, И. Ясинский, Б. Садовский) вполне в духе эпохи «преодоления символизма» достаточно сочувственно воспринимали стремление дебютанта «учиться темному прозрению» «у последней склизкой твари» (стих. «Человек»). Разумеется, идеологи новорожденного акмеизма (Гумилев и Городецкий) не преминули указать на «знаковую» сущность появления в русской поэзии поэта, увидевшего «скрытое единство / Живой души, тупого вещества». Первый указывал на то, что любовь З. ко всему «отверженному» предшествующей поэзией — «слизи, грязи и копоты мира» — есть реакция художника, «возненавидевшего не только бессодержательные красивые слова, но и все красивые слова, не только шаблонное изящество, но и все изящество вообще» (Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 150). Второй же прямо определил место З. в общей диспозиции акмеистической «атаки»: «Сняв наслоения тысячелетних культур, он понял себя, как „зверя, лишённого когтей и шерсти“» (Акмеизм. М., 1995. С. 205).

Самыми проницательными из всего изобилия рецензий (более 30) на первую книгу З. следует признать отклики В. Я. Брюсова и Вяч. И. Иванова. Брюсов, приветствуя сам прецедент обращения русского поэта к «научной поэзии», считал, что подлинная эстетизация «вопросов, которые считаются исключительно достоянием исследований рассудочных» «не под силу» З., поскольку тот не имеет опыта исследовательской науч. работы с ее азартом и пафосом (Брюсов В. Я. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 368–369). Вяч. И. Иванов констатировал успех молодого поэта, воспевшего в «самостоятельных» и «звучных» стихах мировую «Материю», но предостерегал З. от излишнего увлечения «внешними» эффектами, ведущими к плоскому, хотя и эпатажирующему «антиэстетизму»: «Со стра-

хом я смотрю на будущее Зенкевича: если он остановится, то его удел ничтожество; если не успокоится — найдет ли путь?» (Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 44).

Дальнейшая судьба З.-поэта вполне оправдала прогнозы Брюсова и Иванова. «Космологическая метафизика» «Дикой порфиры», сообщающая ее стихам особый пафос и «просветляющая» натуралистические описательно-стилистические резкости, в последующих стих. («Посаженный на кол», «Смерть лося») вытесняется нарочитым стремлением поэта любой ценой «ужаснуть» читателя, играя на контрасте физиологической грубости содержания и совершенной поэтической красоты формы. Впоследствии эти натуралистические мотивы, решенные в ключе исключительно красочной акмеистической стилистики, сделали творчество З. популярным в кругах имажинистов, но для самого поэта такой путь оказался действительно тупиковым. Осознание этого стало одной из главных причин утраты интереса З. к стихотворчеству во второй половине 1910-х и отход его от круга Гумилева (другой причиной, о которой достаточно туманно говорится в «беллетристических мемуарах» З., стал личный конфликт с «мэтром» сугубо романтического характера).

В годы Мировой войны и революции З. пробует найти себя в гражданской поэзии (сб. «Четырнадцать стихотворений», 1918) и публицистике. В 1918–19 в ж. «Худож. известия Саратовского отдела искусств» он выступает с рядом лит.-критических статей, отстаивающих идеи «левого» искусства; в 1922 З. возглавлял Саратовский отдел РОСТА. В 1921 в Саратове выходит его новая книга «Пашня танков» в стихах которой можно при желании угадать поворот к «пролетарской поэзии». Однако, по общему мнению критиков и исследователей, «главной книгой» З. оставалась «Дикая порфира».

«Советский» период творчества З. долгое время воспринимался современниками в духе воспоминаний Н. Я. Мандельштам: «Михаил Александрович Зенкевич рано впал в гипнотический сон или летаргию. Это не мешало ему служить, зарабатывать деньги, растить детей. Может, этот сон даже помог ему сохранить жизнь и выглядеть вполне нормальным и здоровым... Зенкевич жил сознанием, что все, что некогда составляло весь смысл его существования, необратимо, конечно, осталось по ту сторону стекла. Это чувство могло бы превратиться в стихи, но шестой акмеист пришел к твердому выводу, что стихов тоже не будет, раз нет Цеха поэтов и тех разго-

воров, что обольстили его в ранней юности. Он бродил по развалинам своего Рима, убеждая себя и других, что необходимо скорее сдаваться не только в физический, но и в интеллектуальный плен... Это относилось к вопросам поэзии, чести и этики, к очередному политическому сюрпризу или насилию — к процессам, арестам и раскулачиванию... Все оправдывалось, потому что „теперь все иначе“... <...> Сейчас эта жизнь кажется мне трогательной и, несмотря на отсутствие катастроф — в тюрьме он не сидел и голодом его не морили,— почти трагической. Хрупкий от природы, Зенкевич раньше других подвергся психологической чуме, но она приняла у него не острую... а затяжную хроническую форму, от которой никто не выздоравливает» (Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Кн. 1. Paris, 1982. С. 48–51).

Этот взгляд на «позднего» З. требует существенной корректировки после публикации в 1991 «беллетристических мемуаров» З.— романа «**Мужицкий сфинкс**». Роман создавался в те самые «летаргические» годы (1921–27), а затем, ввиду его откровенного, мягко говоря, «нонконформистского» по отношению к «эпохе» характера, 60 лет пролежал «в столе» автора (З. давал читать рукопись лишь особо доверенным лицам, в частности Ахматовой, которая играла важную роль в повествовании).

Сам З. писал о «Мужицком сфинксе», как о своеобразном путеводителе по «горячей пустыне сыпнотифозного бреда», синтезе «записок душевнобольного» и «фантастического романа». Тема болезни героя, оказавшегося зимой 1921–22 в выморочном, голодном Петрограде, заразившегося там тифом и утратившего способность различать реальность и «бред», действительно оказывается у З. (как у Гоголя и Достоевского) «внешним» мотивационным основанием при создании сложнейшей композиции, позволяющей реалии исторической петербургской катастрофы 1916–21 спроецировать во «вневременной», «космической» план, превратить реальных исторических персонажей в фигуры русской мифологии XX в., одним из носителей которой является сам автор. Открываясь собственно «мемуарными» фрагментами (описанием действительных встреч З. в эту трагическую зиму со здравствующими на тот момент Лозинским, Сологубом, Ахматовой), повествование переходит затем в «фантастическую» плоскость: уже не во времени, а в «вечности» автор сталкивается с покойными участниками событий только что минувшей эпохи «невиданных перемен и не-

слыханных мятежей». Каждый из этих героев навсегда оказывается исполнителем некоей исторической «роли», обесмертившей его в анналах русской истории. Здесь доктор Кульбин вечно спешит на футуристический диспут, а участники поэтических ночных собраний в «Бродячей собаке» вечно обречены переживать муки «странной» и «неразделенной» декадентской «куртуазной» влюбленности. Гумилев и его друзья по Петроградской боевой организации — поэты, ученые, офицеры — обречены здесь вечно строить благородные и неосуществимые планы по спасению России, а герой-одиночка Леонид Каннегиссер — повторять и повторять свое покушение на Урицкого и неудачный побег на велосипеде через проходные дворы. Пуришкевич и доктор Лазоверт пребывают здесь в ипостасях «вечных убийц Распутина», а сам Распутин — один из главных героев романа — вечно же пытается растолковать «ученым людям» свою «чалдонскую», «мужицкую» правду о «хлебце», «мучке», «войне» и «революции» — и спасти тем самым императорскую чету и всю страну: «Я один ее, революцию-то наскрозь вижу. Нешто дал бы я Миколаю с Ерманией воевать, кабы меня сумасшедша баба ножиком не пырнула. А кабы они не кинули меня с мосту в пролубь, нешто допустил бы я революцию?»

Роман «Мужицкий сфинкс», появившийся в читательском обиходе сравнительно недавно, еще ждет своих исследователей и почитателей.

3.— переводчик европейской и американской поэтической классики. Начиная с 1920-х он уделял главное внимание именно этой работе. Мастерство его как переводчика — общепризнанный лит. факт.

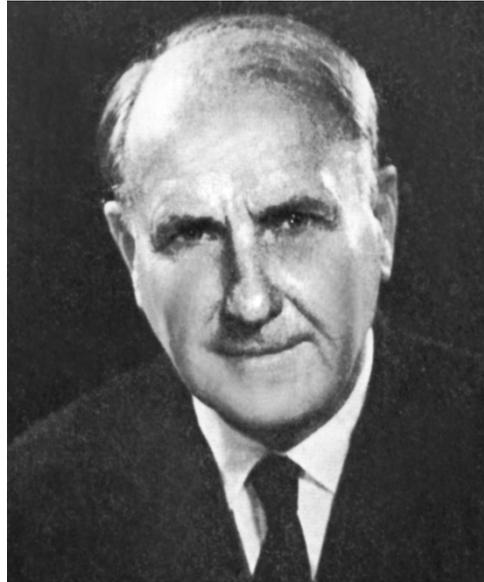
Соч.: Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М., 1994.

Лит.: Тименчик Р. Д. Зенкевич М. А. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 337–339; Лекманов О. А. «Цех поэтов» и символизм // Гумилевские чтения. СПб., 1996. С. 25–32; З[енкевич]. Странная книга... // Зенкевич М. А. Эльга. Беллетристические мемуары. М., 1991. С. 6–8.

Ю. В. Зобнин

ЗЁРНОВ Николай Михайлович [9(21).10.1898, Москва — 25.8.1980, Оксфорд] — прозаик, философ, историк русского религиозного возрождения XX в.

Родился в семье врача и общественного деятеля М. С. Зернова. Мать — урожденная С. А. Кеслер, педагог, общественная деятель-

Н. М. Зёрнов

ница. Воспитывался в традициях православия и русской культуры. Зимой семья жила в Москве, с лета по осень — в Ессентуках (где М. С. Зернов в 1890 основал Вспомогательное общество «Санаторий») и в имении «Сандаш» (Сочи). В Москве и на Кавказе в их доме собирались писатели, артисты, духовенство. В 1917 З. с золотой медалью окончил московскую гимназию Л. И. Поливанова и поступил на медицинский ф-т Московского ун-та.

В марте 1921 семья Зерновых, которую революция застала на Кавказе, покинула Россию: Константинополь, далее Сербия, где З. поступил на богословский ф-т Белградского ун-та. Один из организаторов Белградского православного кружка, в заседаниях которого принимали участие профессора В. Зеньковский, Д. Философов, епископ Вениамин. В 1925 З. перебирается в Париж с целью укрепить и расширить работу студенческих религиозных кружков. С 1925 по 1932 — секретарь Русского христианского студенческого движения. В 1925–29 З. первый редактор ж. «ВРСХД». Осенью 1927 отец Сергей Булгаков обвенчал З. с Милицей Владимировной Лавровой, изучавшей в Париже медицину, активной участницей Студенческого христианского движения, ставшей сподвижницей и помощницей З. во всех его начинаниях.

В 1930 З. зачислен для соискания докторской степени в Оксфордский ун-т. С 23 июня 1932 — доктор философии. В 1934 З. с женой переезжает в Англию по приглашению